

«РУССКУЮ ИСТОРИЮ ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ РУССКИЕ, И ЗАЧЕМ В ЭТО ДЕЛО ВМЕШИВАЮТСЯ ВЕНГРЫ?»*

МИКРОИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Дюла Свак

Будапештский университет,
Будапешт, Венгрия

“RUSSIAN HISTORY SHOULD BE WRITTEN BY RUSSIANS, WHY ARE HUNGARIANS INTERFERING?”

A MICROHISTORIOGRAPHICAL STUDY

Gyula Szvák

Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

This article is based on the discussion (mock defense) of *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovy State)*, the PhD thesis by Sándor Szili, a young Hungarian historian (supervised by R. G. Skrynnikov). The discussion took place at the department of Russian history at St Petersburg State University in the summer of 1992 and resulted in a devastating critique of the dissertation. This ordinary event is presented and analysed in the broad context of the global political changes associated with the collapse of the Soviet Union and the socialist camp. The author recreates the atmosphere of uncertainty, deprivation, loss of life guidelines, and radical change in values that dominated both in Hungary and in post-Soviet Russia. The destruction of the habitual way of life of tens of millions of people and the catastrophic breakdown on a geopolitical scale could not but affect the state of historical studies. The

* Citation: Szvák, G. (2021). “Russian History Should Be Written by Russians, Why Are Hungarians Interfering?”: A Microhistoriographical Study. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 23–54. DOI 10.15826/qr.2021.1.564.

Цитирование: Szvák G. “Russian History Should Be Written by Russians, Why Are Hungarians Interfering?”: A Microhistoriographical Study // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 23–54. DOI 10.15826/qr.2021.1.564 / Свак Д. «Русскую историю должны писать русские, и зачем в это дело вмешиваются венгры?» : микроисториографический этюд // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 23–54. DOI 10.15826/qr.2021.1.564.

theoretical and methodological vacuum formed as a result of the collapse of Marxist-Leninist ideology and the feeling of catastrophe, the death of the nation and the state, caused a reaction among some historians in the form of a bizarre mixture of neo-imperial, radical communist, and xenophobic views on the historical process and their awareness of Russia's role and place in that process. The author demonstrates that the bearers of such views set the tone for the discussion of the dissertation. Even though it is not devoid of many shortcomings, at another time and in another place the dissertation could have well been presented for defense. This is evinced by very calm and constructive external feedback received from well-known specialists who were not members of the department. But in the process of public discussion the scholarly debate turned into politicised criticism from the very beginning, and the PhD candidate had no allies. The situation took on a paradoxical character: having got rid of the shackles of the dominant ideology, the participants in the discussion behaved much more harshly and irreconcilably than during the Soviet "stagnation". The story described in the article is a vivid concrete manifestation of the crisis of Russian historical studies, which had to be overcome between the late 1980s and 1990s.

Keywords: historiography, collapse of the USSR, crisis of historical studies, Sándor Szili, history of Siberia, russophobia, R. G. Skrynnikov, I. Ya. Froyanov, St Petersburg University, Faculty of History

Сюжетной основой статьи послужила история обсуждения (предзащиты) кандидатской диссертации аспиранта Р. Г. Скрынникова, молодого венгерского историка Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)». Обсуждение состоялось на кафедре истории России Санкт-Петербургского государственного университета летом 1992 г. и превратилось в разгром представленной диссертации. В общем-то рядовое событие излагается и анализируется в статье в широком контексте глобальных политических изменений, связанных с распадом Советского Союза и социалистического лагеря. Автор воссоздает атмосферу неуверенности, бытовой неустроенности, утраты жизненных ориентиров и радикальной смены ценностных установок, царившую в то время как в Венгрии, так и в постсоветской России. Разрушение привычного уклада жизни десятков миллионов людей и катастрофическая ломка геополитического масштаба не могли не сказаться на состоянии исторической науки. Теоретико-методологический вакуум, образовавшийся в результате краха марксистско-ленинской идеологии, и ощущение катастрофы, гибели нации и государства вызвали у части историков реакцию в виде причудливой смеси неоимперских, радикально-коммунистических и ксенофобских воззрений на ход исторического процесса, на осознание роли и места России в этом процессе. Носители таких воззрений, как показывает автор, задавали

тон при обсуждении диссертации. Последняя, не лишенная многих недостатков, в другое время и в другом месте вполне могла бы быть представлена к защите. Об этом свидетельствуют и весьма спокойные и конструктивные внешние отзывы, поступившие от известных специалистов, не являвшихся членами выпускающей кафедры. Но именно в процессе публичного обсуждения научная дискуссия с самого начала превратилась в политизированную критику, против которой у диссертанта не оказалось союзников. Ситуация приобрела парадоксальный характер: избавившись от оков господствовавшей идеологии, участники обсуждения повели себя гораздо жестче и непримиримей, чем во времена советского «застоя». История, изложенная в статье, являет собой один из ярких примеров конкретного проявления того самого кризиса российской исторической науки, преодолеть который пришлось в конце 1980-х – в 1990-е гг.

Ключевые слова: историография, распад СССР, кризис исторической науки, Шандор Сили, история Сибири, русофобия, Р. Г. Скрынников, И. Я. Фроянов, Санкт-Петербургский университет, исторический факультет

Concerto (1992)

Первая часть. Mosso

В 1984 г. я защитил в Ленинградском университете, носившем имя А. А. Жданова, кандидатскую диссертацию по советской историографии правления Ивана IV [Свак, 1984]¹. Спустя всего лишь восемь лет после этого в Венгрии рухнул режим «партии-государства», наступил второй год после первых свободных выборов. Сильная эйфория свободы быстро сменилась удрученностью, «были подорваны последние жизненные опоры традиционной социалистической крупной промышленности, в январе объявил о своем банкротстве металлургический завод в городе Озд, позже не избежал этой судьбы и завод в Диошдьёре. В этом же месяце правительство договорилось с заинтересованными сторонами и о порядке закрытия большинства венгерских шахт. <...> В течение года были свернуты целые отрасли экономики, и это непосредственно затронуло четвертую часть всех работающих. Неудивительно, что к концу года число лиц, потерявших работу, приблизилось к 700 000 человек, что намного превысило предварительные ожидания. <...> В том году на улицу вышли пред-

¹ Эта статья не могла бы быть написана, если бы Шандор Сили не сохранил свои заметки и документы о предварительной защите диссертации и не предоставил их в мое распоряжение. Сразу должен отметить, что в 1984 г. на историческом факультете Ленинградского государственного университета никого не смущало, что венгр написал работу о советской историографии правления Ивана IV, больше того, мне была оказана немалая поддержка.

ставители практически всех крупных социальных групп – от раздраженных медицинских работников до разочарованных ветеранов революции 1956 г., от снова обманутых сельских хозяев до опасавшейся за судьбу демократии интеллигенции больших городов. Улица принадлежит всем... В 1992 г. демократия в этом традиционном смысле оказалась полностью осуществленной» [Kéri].

Киноискусство быстро среагировало на перемены. В 1992 г. был показан фильм Иштвана Сабо «Милая Эмма, дорогая Бёбе», в котором на примере трагических мытарств преподавателей русского языка, у которых отняли их предмет, было дано почувствовать, что новый мир, вероятно, не будет ни совершенно новым, ни прекрасным, так что нужно отказаться от связанных с этим иллюзий [Békés].

Все это совершенно не отражалось на самодовольном и снисходительном выражении лица Билла Клинтона, когда он, например, водил дружбу с Борисом Ельциным. Бывало, что он прямо насмеялся над своим русским коллегой, который, конечно, оказался вполне подходящим объектом для этого, но, по всей видимости, американский президент не поэтому стал человеком года по версии журнала *Time*. А может быть, отчасти и поэтому, ведь трудно было красноречивее продемонстрировать новую позицию США, их превосходство в мире.

В том году кубок горького разочарования, вызванного бурным переходом от государственного социализма к капитализму, пришлось осушить не только венграм и русским. Были и такие, кому пришлось еще хуже. Распалась Югославия, в южнославянском регионе началась война, перешедшая в массовые этнические чистки. Геноцида не избежали и народы бывшего СССР: вспыхнули кровавые столкновения за обладание Нагорным Карабахом.

Нам, венграм, трудно было полюбить тот год, а русские просто ненавидели его. Даже по прошествии четверти века один из блогеров так вспоминал о нем:

Четверть века, однако. Юбилей. 1992 год оказался одним из самых убойных и беспросветных в постсоветском периоде и первым полным годом так называемой Новой России. Чего стоила только инфляция, достигшая по итогам 2600 %. Впрочем, уже в первые постновогодние дни, очнувшись от недолгих праздников, дорогие россияне очумело разглядывали в магазинах новые ценники. Граждане получили первые ударные инъекции шоковой терапии, однако падать навзничь никак не собирались [Россия в 1992 году].

Конечно, с тех пор целая армия ученых изучала год распада СССР, шоковую терапию, развал экономики, массовое обнищание, вырвавшиеся на свободу цены, инфляцию и грабительскую ваучерную приватизацию. Наш основанный как раз 30 лет назад Венгерский институт русистики тоже выступил с рядом экспертных обзоров, опубликованных в запущенной тогда серии «Советские тетради» [Krausz, 1991a; Petrov; Krausz, 1991b; Krausz, 1992a; Krausz, 1992b; Krausz, Máté;

Ельцинщина]². Важность этих событий в виде исключения была быстро осознана и венгерскими СМИ³. Например, газета «Magyar Nemzet» уже в номере от 2 января 1992 г. подготавливала читателя к ожидаемым в России потрясениям [Vida, 1992, január 2]⁴. Однако для меня наиболее достоверными были известия, полученные от моего бывшего научного руководителя Р. Г. Скрынникова:

Дорогой Дюла! У нас начались каникулы, но не совсем начались, так как университет не заплатил еще денег преподавателям за июнь месяц и за летние месяцы. У университета большие финансовые затруднения. О своих трудностях я не буду писать: это трудности всей научной интеллигенции... [Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г.].

На фотографиях того времени видны толпы бабушек, заполнивших территории, прилегающие к станциям метро [Россия в 1992 году], и торговавших своими скромными пожитками – кто подержанными лампочками, кто двумя морковками или стоптанными сапогами. Удивительнее всего, что в ряды торговавших встали и хорошо одетые молодые женщины, вынесшие на продажу всякую всячину [Там же]. Из магазинов исчезли товары, развернулась самая примитивная меновая и теневая торговля. Позже, конечно, появились и продукты, столь недоступные и поэтому мистические и желанные для советского человека, но по слишком высоким для простых людей ценам. А между тем Борис Ельцин и его оппозиция пустились во все тяжкие – началось трагическое политическое представление со все более абсурдными шагами, дешевыми политическими трюками, с быстро заключаемыми и разрушающимися союзами, с перебежками, предательством и человеческой подлостью, и это представление продолжалось годами, утвердив в российском обществе апокалиптическое чувство переходности и неуверенности [Россия в 1992–1999 гг.]. Перестройке и Советскому Союзу пришел конец, но исход борьбы «старого» с «новым» был непредсказуем. Неожиданно для советского человека в ощутимой близости оказался распад не только СССР, но и России. Вчерашняя империя теперь вызывала воспоминания о начале XVII в., наступило время второго издания «Смуты» [Свак, 1999, с. 7–11].

² Одна из этих брошюр, «Ельцинщина», получила такую известность, что 200 ее экземпляров, так или иначе переправленные в Москву, молниеносно разошлись. Позже ее процитировал И. Я. Фроянов в своей работе «Погружение в бездну (Россия на исходе XX века)» [Фроянов, 1999]. В 1997 г. директор Института российской истории РАН А. Н. Сахаров тоже представил меня ученому совету как одного из создателей этой брошюры (хотя мой доклад был посвящен историографии русского феодализма), см.: [Navas, Krausz, p. 8].

³ В то время в Москве еще работали представители крупных газет, Венгерского телеграфного агентства, Венгерского телевидения и Венгерского радио.

⁴ Автор заметки, московский корреспондент газеты Ласло Вида, ныне работает в венгерском посольстве в Москве заместителем главы миссии.

Нетрудно представить, что в общем кризисе находилась и историческая наука. Представителей этой профессии охватила неуверенность не только в России, но и во всем мире. В Венгрии ее состояние определялось бесцветностью – смена политического строя не принесла новых выдающихся работ, что в общем может быть воспринято и как похвала предыдущему периоду времени, ведь «с наступлением свободы» из ящиков письменных столов не появились сенсационные труды. Парадоксальным образом это было характерно и для «новой» российской исторической науки. В 1992 г. и ранее напрасно ждали появления крупных творений, их не было⁵. «Страсти улеглись», – писал об этом историограф той эпохи, по крайней мере, по сравнению со второй половиной 1980-х гг. [Логунов, с. 447]. Конечно, это был сильный эвфемизм, потому что дискуссии продолжались [Исторические исследования в России], но обещали довольно безнадежный сценарий перестроечному «радикально-реформистскому» течению, возглавлявшемуся Ю. Н. Афанасьевым, ведь в конце упомянутой выше статьи ее автор был вынужден заметить: «Все это не может не рождать порой чувство уныния и пессимизма...» [Там же, с. 479]. В тот момент несомненным казалось лишь то, что «наиболее легко, как оказалось, было менять плюсы на минусы и минусы на плюсы в оценке прошлого» [Там же, с. 435]⁶. В этом отношении типичным примером стал генерал Волкогонов. «Синдром Волкогонова» был остроумно проанализирован Тамашем Краусом [Krausz, 1996, p. 15–17], это освобождает меня от диагностики предательства интеллектуалов. Во всяком случае, российская историческая наука уже почувствовала постмодернистскую угрозу, однако процесс выработки новой методологии к 1992 г. дошел лишь до того, что наиболее часто цитируемым автором в научной литературе по истории стал Бердяев [Логунов, с. 473].

Рассматривая историческую литературу по наиболее хорошо известным мне эпохам и темам, можно прийти к, казалось бы, ошеломляющему, но для меня отнюдь не неожиданному выводу, что, например, об эпохах Ивана IV и Петра I в 1992 г. вышел в свет один единственный значительный труд – большая монография Р. Г. Скрынникова «Царство террора». Ее значимость лучше всего подтверждается тем, что спустя много времени после смерти автора она была опубликована и в английском переводе [Skrynnikov]. Итак, сделаем вывод, что 1992 г. не слишком благоприятствовал развитию российской исторической науки, и важнейшей причиной этого все же было то, что, как писал А. П. Логунов, «кризис исторической науки есть прежде всего кризис условий ее существования» [Логунов, с. 476].

⁵ Их трудно было ожидать уже потому, что научных работ тогда публиковалось крайне мало: например, количество исследований по российской истории сократилось с 955 в 1991 г. до 282 (!) в 1992 г. См.: [Невежин, Пруцкова].

⁶ На одной из проходивших у нас конференций академик В. В. Алексеев сформулировал это так: «огульная замена плюсов на минусы» [Алексеев, с. 20].

Несмотря на то, что этот год во всех отношениях демонстрировал симптомы кризиса, менее всего это было заметно именно в сфере венгерско-российских отношений. Правда, новое правое правительство сократило отношения с Россией, а мышление нового премьер-министра, типичного представителя возродившегося христианско-националистического курса, определялось коренившимся в истории страхом перед русскими, что привело к потере восточного рынка из-за невозможности финансирования, но парадоксальным образом 1992 г. все же стал годом нового оживления внешнеполитических связей.

Главной причиной этого было стесненное внутривнутриполитическое положение лидеров обеих стран, которое требовало от них демонстрации дипломатических успехов. Хорошей основой для этого стало то, что к июню 1991 г. последний русский солдат покинул территорию Венгрии, а также то, что во время августовского путча Йожеф Анталл немедленно (вторым после президента США) заверил Бориса Ельцина в своей поддержке [Keskeny, p. 89] и до самого конца придерживался этого обещания, опасаясь дестабилизации положения в России, ее отклонения от «демократического» (понимай – западного) пути [Ibid., p. 87]. Результатом такой позиции стало одно из самых пикантных событий во всемирной истории дипломатии: в ходе своего визита в Москву 6 декабря 1991 г. Й. Анталл в один день подписал в Кремле двусторонние основополагающие договоры с президентом распавшегося сразу после этого СССР М. С. Горбачевым и президентом России Б. Н. Ельциным. Больше того, в тот же день на обратном пути он сумел подписать такой договор и с украинцами в Киеве [Ibid., p. 92].

Вследствие этого венгры с надеждой ожидали «исторического» визита Ельцина в Венгрию, намеченного на 10–11 ноября 1992 г. и обещавшего заключение новых договоров⁷. Этот визит состоялся в благоприятной дипломатической атмосфере⁸. Нельзя утверждать, что венгерское общественное мнение сильно расчувствовалось, услышав произнесенное в парламенте извинение за преступления, совершенные в 1956 г. (правда, из-за неисправности оборудования для синхронного перевода венгры услышали его только на русском языке) [Sáringér]⁹. Русофобская кампания победившей на выборах партии оказала соответствующее воздействие [Kecskeméthy].

⁷ См. передовицу Ласло Види в газете «Magyar Nemzet» от 10 ноября 1992 г., в которой он пишет: «Теперь соседи, осознавшие последствия разрыва и одновременно протрезвевшие от опьянения иллюзией помощи Запада, снова обрели друг друга» [Vida, 1992, november 10].

⁸ Однако из-за постоянной угрозы памятнику советским воинам-освободителям на площади Свободы понадобились и чрезвычайные меры безопасности. См.: [Népszabadság, 1992, november 11].

⁹ Не соответствует действительности утверждение автора этой ретроспективной статьи, что венгерская пресса не сообщила подробно о речи Ельцина.

Но правда и то, что отрицательная оценка стала гораздо более нейтральной из-за слабости России [Könczöl]: «Настроение общества сложилось, как на футбольной трибуне, где, если играют нейтральные команды, то люди рано или поздно начинают болеть за ту, которая послабее» [Szvák, 2018, p. 24].

Об этом свидетельствует, между прочим, и общественная акция нашего Института русистики, функционирующего в качестве независимого научного общества, которая в марте 1992 г. была нацелена на возобновление трансляции передач российского телевидения и при значительной поддержке СМИ в конечном итоге привела к успеху¹⁰.

Вторая часть. Furioso

3 июля 1992 г. на той же кафедре, где в 1984 г. проходила моя защита, состоялось обсуждение кандидатской диссертации моего бывшего студента Шандора Сили, окончившего заочную аспирантуру в Ленинграде (позже – Санкт-Петербурге)¹¹. Этот день тоже был небезынтересен для читателей венгерской прессы. В газете «Magyar Hírlap» можно было прочитать материал о посвященном русским документальном фильме под многозначительным названием «Bye, bye, Szása, kitoltál velem» («Bye, bye, Саша, ты надул меня»)¹², и в том же самом номере, на шестой странице, рекламировала себя газета «Коммерсантъ». На следующий день в субботнем приложении к газете «Népszabadság» появились большое эссе Акоша Силади «Csók-csatatér lovagjai» («Рыцари поцелуйных сражений»)¹³ и репортаж Ласло М. Лендьела «Támadás a “Szovjetunió” ellen» («Нападение на СССР») о демонстрации у Останкинского телецентра. В субботнем номере газеты «Magyar Nemzet» была опубликована красноречивая карикатура на Бориса Ельцина, изображенного укротителем, который, пощелкивая кнутом, держит горящий обруч перед распластанным медведем (имелась в виду запрещенная КПСС).

Предварительная защита началась без десяти пять пополудни и продолжалась примерно два часа. В ней приняли участие 14 че-

¹⁰ Другой вопрос, что из-за приватизации каналов телевидения удалось добиться лишь полугодовой отсрочки.

¹¹ В 1985 г. я был научным руководителем его дипломной работы «Вооруженное покорение Западной Сибири и его предпосылки», при написании которой моего научного руководства не потребовалось (после определения темы мы ни разу не консультировались), но которая была безупречной в своем жанре.

¹² Это название отсылало к веселому шлягеру того времени, «идейное содержание» которого состояло в том, что с тех пор, как Саша уехал, оставшаяся с носом девушка все время ищет свои пропавшие часы и хлещет водку.

¹³ На иллюстрирующей статью фотографии крупным планом виден привычный теплый приветственный поцелуй Брежнева и Хонеккера.

ловек, в том числе такие знаменитые профессора, как Ю. Д. Марголис или член-корреспондент РАН Б. В. Ананьич¹⁴. Научный руководитель Р. Г. Скрынников отсутствовал (к предыстории этого обсуждения относится то, что, по воспоминаниям Шандора Сили [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 14 апреля 2020 г.], которые подтверждаются цитированным выше письмом Р. Г. Скрынникова, по инициативе последнего состоялась предварительная личная встреча между Сили и одним из его оппонентов, который попытался уговорить диссертанта отозвать представленную работу). Председествовавший на обсуждении И. Я. Фроянов, который в то время был одновременно заведующим кафедрой и деканом, сначала предоставил слово диссертанту.

Шандор Сили, по его собственным воспоминаниям, за 20 минут обобщил главные цели и выводы своей диссертации [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 апреля 2020 г.]. Новизну своей работы он видел в том, что до него не было осуществлено систематического монографического исследования истории концепций вхождения Сибири в состав России. Возникновение и смену основных концепций, которые могут быть обозначены терминами «завоевание», «колонизация» и «присоединение» и включены в рамки новой историографической хронологии, Сили изложил, практически сгруппировав материал вокруг деятельности трех главных личностей. Согласно его интерпретации, первый русский профессиональный историк, немец Г. Ф. Миллер, уже в середине XVIII в. изучил тему и разработал концептуальные рамки истории вхождения Сибири в состав Российской империи. Его концепцию, по существу сохранившую свое значение до наших дней, в определенных отношениях развил С. В. Бахрушин, а позже, практически по заданию партии, попытался подтасовать В. И. Шунков. Опираясь на этот печальный опыт, Сили завершил свое выступление, сказав, что для него главное положение диссертации заключается в том, что внешнее, особенно политическое воздействие на науку наносит ей вред, поэтому заслуживают уважения те русские историки, которые боролись/борются против этого.

¹⁴ Эти данные взяты из собственноручных заметок диссертанта о предварительной защите (здесь и в дальнейшем – «Заметки Шандора Сили»). Не будучи ни графологом, ни судебным почерковедческим экспертом, я на свой любительский манер по характеру почерка сделал вывод, что «Заметки» были написаны не задним числом, а немедленно по ходу событий. Их автор, видимо, точно конспектировал и, быть может, имел возможность заглянуть в какой-то составленный на кафедре протокол, после чего переписал все начисто, так как в пылу дискуссии он вряд ли смог бы не наскоро, а содержательно и грамматически точно реконструировать диалоги. Однако я не хочу углубляться в дальнейшие «расследования», да и не считаю, что это было бы этично. Также по этическим соображениям я не публикую имен всех участников дискуссии, поскольку многие из них активно работают и ныне, к тому же меня интересует не *кто* сказал, а *что* было сказано, то есть не лица, а само явление.

Также, по воспоминаниям автора диссертации, это приподнятое выступление не растрогало присутствующих, которые едва следили за ним [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 апреля 2020 г.]. Таким образом, пока все шло в соответствии с привычным в таких случаях сценарием заседаний кафедр, в какой бы части света они ни проводились. Однако первый же вопрос задал тон всей защите, и даже непосвященным стало ясно, что здесь состоится вовсе не традиционное, зачастую изматывающе скучное событие:

– Скажите, пожалуйста, может ли быть, что здесь, в России, до иностранцев ничего не было, даже зародыша исторического мышления? [Заметки Шандора Сили, л. 2].

За этим явно риторическим вопросом последовал вежливый ответ, но это не остудило задора историков, до той минуты погруженных в свои бумаги (и хотя бы на пару минут заглянувших в диссертацию). Дело в том, что большинство присутствовавших не читало этого объемистого текста (некоторые даже признались в этом, ведь и в других местах обычно, помимо приглашенных оппонентов, мало кто знакомится с защищаемой диссертацией). Зато мнение о ней у них сложилось еще до того, как прозвучали отзывы оппонентов.

По свидетельству «Заметок», диспут, связанный с одним из главнейших персонажей диссертации, точнее, с его смертью, носил чуть ли не юмористический характер.

Участник дискуссии. Откуда вы взяли, что Шунков скончался самоубийством? Я его знал. Он был порядочным и честным человеком. Я не могу представить, что он покончил бы с собой. Это не похоже на него.

Ш. С. Когда я познакомился с материалами деятельности Шункова, мне казалось, что это негативная фигура. Но все воспоминания о нем говорили совершенно другое, вспоминали его как честного человека. Мне мешало это противоречие (*смех в зале*), и поэтому я поехал в Москву поговорить с человеком, который знал его. Он, правда, не говорил, что Шунков покончил жизнь самоубийством, но внушал это следующими словами: он умер при очень трагических условиях. (*Смех в зале*.)

Участник дискуссии (*улыбаясь*). А что мотивировало бы самоубийство Шункова?

Ш. С. Сибиреведы ему доказали, что он ошибся и был не прав. А сверху на Шункова в 1967 г. давили, чтобы он опять занял старую позицию. В 1966 г. была опубликована в г. «Правда» статья от имени трех лиц. Среди них был и Шунков. Эта статья покончила с процессом десталинизации в исторической науке.

Участник дискуссии. Да, эта статья была. Но Шунков и Трухановский сопротивлялись, не хотели подписывать. Их заставили. Но Шунков маловероятно, что покончил бы с собой. (*Смех в зале*.)

Третье лицо. В 1967 г. мой друг написал мне письмо из Москвы. Он хорошо знал Шункова. Он писал, что Шунков застрелился.

Участник дискуссии. Этого я не знал. (*Выходит из зала*) [Заметки Ш. Сили, л. 3–4].

И наконец, череду вопросов, как в пьесе с рамочной композицией, завершил еще один риторический вопрос:

3-й спрашивающий. Скажите мне, пожалуйста, как человек человеку, когда мы, здесь сидящие в зале, встали на свои ноги, когда приобрели свободу и перестали служить государству? *Хотя служить государству, на мой взгляд, очень почетно* (выделено мной. – Д. С.). Когда это произошло? До путча или в августе прошлого года? Или, может быть, до сегодняшнего дня мы служим? [Заметки Ш. Сили, л. 5–6].

Третья часть: Appassionato

Итак, «разминка» состоялась, наступила очередь официально приглашенного оппонента, зачитавшего текст объемом в 19 машинописных страниц, то есть примерно в целый авторский лист. Отзыв сразу начинался с похвалы:

Следует сразу же отметить, что диссертация написана хорошим русским языком, свободное владение которым составляет немалую заслугу нашего коллеги из Венгрии и не может не вызвать к нему уважения [Отзыв, с. 1].

На этом, однако, перечень положительных черт диссертации был исчерпан. Уже к введению были предъявлены серьезные претензии:

Вообще говоря, уже во «Введении» к диссертации проявляется ее характерная черта – категоричность и недостаточная доказанность суждений [Там же, с. 4].

По мнению оппонента, «нигилизм» Шандора Сили,

...может быть, объясняется тем, что он далеко не в полной мере понимает существо марксистской методологии. В отличие от дворянско-буржуазной историографии, прочитаем на 9 стр., «марксистские ученые строго придерживались философии диалектического материализма и рассматривали все прошлое под углом зрения борьбы классов». О том, что марксистская социальная философия есть исторический материализм и что она отнюдь не сводится к тезису о «борьбе классов», автор, судя по цитированному заключению, не догадывается [Там же, с. 3].

Это замечание свидетельствует о том, что, несмотря на ликвидацию партии и попытки скомпрометировать официальную идеологию, в данном коллективе историков марксистская методология все

еще непоколебимо сохраняла свои позиции, что напомнило автору этих строк критику «на ленинской основе», высказанную на защите его собственной диссертации в 1984 г.

Главное критическое замечание в отношении первой главы диссертации состояло в том, что в ней «до невероятных пределов раздуто значение труда и личности Миллера», которого оппонент – видимо, для восстановления равновесия – характеризует так:

Кто же он таков? В молодости Г. Миллер принадлежал к категории немецких студентов, которые, по словам Шлёцера, полагали, что нельзя легче сделать себе счастье, чем в России [Отзыв, с. 4].

Мнение диссертанта о Миллере побудило оппонента обратиться к Бердяеву, а, опираясь на него, он приходит к следующему умозаключению:

Отсутствие любви к предмету своего исследования – русской истории, а то и высокомерное отношение к нему, способно исказить видение данного предмета, какие бы клятвы и заверения в беспристрастности при этом ни произносились (не совсем ясно, кого имеет в виду оппонент. – Д. С.). К России и у Миллера, и у Байера со Шлёцером было своеобразное отношение. И если диссертант все время противопоставляет «беспристрастное исследование... патриотическому свидетельству» (стр. 42), то разница между беспристрастным исследованием и трудами немецких историков XVIII в., где порой пробивались русофобские настроения, им осталась не замеченной [Там же, с. 5].

Остановимся здесь на минуту, потому что в этом рассуждении, с одной стороны, выражено убеждение, что тот, кто не любит русской истории, по определению не может быть беспристрастным историком, а, с другой стороны, здесь впервые появляется определение «русофобский». Содержание 70-й страницы диссертации подверглось следующей критике:

...Перечисляются «негативные следствия, вытекавшие из российской действительности» и тормозившие исторические исследования. Многие формулировки утрированы, а то и вовсе ошибочны (о «многовековой культурной изоляции России», о «самодержавном характере правления, сформировавшемся в ходе оборонительных и наступательных войн XVI-XVII вв», о «замкнутости духовной культуры России», об «осознании особой миссии русской нации», об односторонней вине православия в культурной изоляции от «окружных народов» (непонятно что имеется здесь в виду), о «чувстве национальной гордости», усиленном бряцанием оружием, «компенсировавшем у русских людей чувство неполноценности», о том, что «идея соревнования с ведущими мировыми державами и достижение превосходства над ними сформировались и на уровне

официальной политики»). Все эти тезисы поданы без доказательств или ссылок на те научные труды, где бы они аргументировались. Да и таких трудов у серьезных специалистов не найти. Столь примитивные утверждения гуляют главным образом на страницах публицистических произведений, иногда русофобского характера [Отзыв, с. 7–8].

Собранные в один букет, эти утверждения действительно могут показаться патриоту-русофилу (не историку) страшно русофобскими, однако сразу нужно отметить, что подобные мысли уже высказывались не только И. Сили, не только в примитивных и публицистических и прежде всего не только в русофобских произведениях. Больше того, можно долго перечислять и соответствующие ссылки, на отсутствие которых указал оппонент.

Оппонент, более или менее удовлетворенный содержанием второй главы, сразу начинает свой отзыв о третьей главе с выражения недовольства:

Третья глава диссертации, посвященная отечественной историографии 1930–90 гг., оставляет наибольшую неудовлетворенность. Так же не доказанные исходные постулаты, заимствованные из публицистики, отражающей крайности радикалистского сознания, перемежаются с описательностью. Вместо атрибутов аналитического научного исследования текст 3 главы отличается признаками излишне заостренного публицистического памфлета [Там же, с. 9].

Рассмотрим по порядку, что имел в виду оппонент.

Первая сентенция (замечу, что, все же чувствуя дуновение ветра новых времен, оппонент на этот раз позаимствовал амуницию не у Бердяева, а у А. Ципко): *Сили считает всю советскую эпоху неделимым целым.*

Безусловно, политическая конъюнктура оказывала определенное влияние на историческую науку. Это было известно давно. Но говорить о ней как о первоочередном факторе развития историографии – это значит совершать насилие над историографическим материалом. Нельзя из одной крайности впадать в другую. <...>

Поскольку данная убийственная формула отнесена автором ко всему периоду 30–90 гг., названному им периодом «тоталитарного режима» (стр. 126), то под нее автоматически подпадают и современные исследования, в том числе и работы Р. Г. Скрынникова, с такой характеристикой решительно невозможно согласиться [Там же, с. 10].

В этом случае спорить с оппонентом было бы трудно, но он, несомненно, безжалостно использовал созданный ему голевой момент, ведь в действительности автор диссертации, как это понятно из подробного изложения, явно не имел в виду всей советской историографии, и уж тем более своего научного руководителя.

Вторая сентенция: *Сили не вполне понимает, что большевикам было наплевать на русскую нацию.*

Тут должно остаться что-то одно: либо автаркия, либо «мировая революция». Не могла «партийная элита» проводить одновременно две взаимоисключающие политики. Нетрудно догадаться, что большевикам, особенно в первое время их владычества, было наплевать на русскую нацию, русскую культуру, на Россию, они думали только о своей «мировой революции» [Отзыв, с. 11].

Третья сентенция: *Сили постоянно политизирует исторический материал.*

На стр. 140 и др. излишне политизируется дискуссия в Институте истории. С другой стороны, сам факт противодействия целого ряда ученых «волюнтаристским концепциям русской истории», олицетворяемым А. В. Шестаковым, работает против утверждения диссертанта о полной подавленности партии и государством научной мысли в конце 30-х гг. [Там же, с. 12].

Четвертая сентенция: *Сили не способен прочувствовать высокий патриотизм Сталина.*

Невозможно согласиться с тезисом диссертанта, согласно которому с окончанием Великой Отечественной войны русский патриотизм стал перерастать в «ярый национализм, обращенный уже не только против внешнего мира, но и против неславянских народов СССР». В качестве «первого симптома этого нового явления» Сили Шандор выдвигает знаменитый тост И. В. Сталина 24.V.45 г. («Я пью за здоровье русского народа»), который полностью приведен в диссертации на стр. 143. Никакого «ярого национализма» здесь нет и быть не может. Речь шла о благодарности нации, вынесшей на своих плечах основную тяжесть войны и спасшей все человечество от фашизма. Писать в данном случае так, как написал Сили Шандор, не только неправильно, но и очень жестоко. Следование Миллерову тезису, что историк не должен иметь Отечества, веры, государя, привело русского историка Сили Шандора к непониманию исторического и нравственного смысла важнейшего события русской истории [Там же, с. 13].

Ошибка в тексте очень красноречива. Из-за явной описки Шандор Сили фигурирует здесь как русский историк, и это является наибольшей подсознательной похвалой со стороны оппонента. Последний произвольно требует от Сили любви к русскому началу как от русского историка, этим и объясняется его повышенная пылкость, ведь «чужак», «непосвященный», стоящий вне русской истории, вряд ли удостоился бы такой реакции.

Пятая сентенция: *Сили считает Шункова честолюбивым «карьеристом».*

На стр. 149 В. И. Шунков назван «честолюбивым историком», чья связь с высшими партийными кругами обусловила ему стремительную служебную карьеру. Такого рода заявлений в научной работе надо бы избегать. О «честолюбии» и «карьеризме» Шункова, равно как любого другого, имеют право говорить либо ученые, хорошо его знавшие, либо авторы, могущие подтвердить свои слова ссылками на источники – мемуарные свидетельства или иные документы... [Отзыв, с. 14].

Шестая сентенция: *По мнению Сили, русские – погромщики.*

Создается впечатление, надеюсь, ошибочное, что Сили Шандору очень хочется, чтобы русские выглядели завоевателями и погромщиками, не принесшими ничего положительного народам Сибири, а только регресс и разрушения. Поэтому все другие оценки для него тенденциозны... Но еще одну цитату я хотел бы привести. Это слова лорда Керзона, которого нельзя назвать русским патриотом: «Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила» [Там же, с. 14–15].

Седьмая сентенция: *Сили любой ценой навязывает термин «завоевание» Сибири.*

На мой взгляд, признание, за которое ратует Сили Шандор, явилось бы упрощением исторической действительности, характеризовавшейся в данном случае различными процессами, и стало бы шагом назад в отечественной историографии... Более того, по мнению Сили Шандора, «именно тезис о “присоединении” Сибири вкупе с положением о “прогрессивном значении” включения туземных народностей в состав России считался до последних минут существования советской власти одним из цементирующих факторов идеи единства СССР». В этих словах политизация научной дискуссии доведена до предела. Можно сказать даже, что научный характер обсуждения проблемы в понимании диссертанта отсутствовал в историографии последних десятилетий, а доминировали чисто политические дефиниции. По существу, около 50 лет нашей историографии вычеркивается из истории отечественной исторической науки [Там же, с. 16–17].

Восьмая сентенция: *Сили всего лишь меняет знаки.*

Сама по себе мысль об искажающем влиянии государственно-идеологического контроля над наукой, взятая в общем плане, не вызывает возражений, но конкретное приложение этой мысли к истории отечественной исторической науки в диссертации не получилось. Если ранее

у нас было принято не анализировать развитие историографии в едином потоке, а разделять ее на «научную» – марксистскую, советскую и «ненаучную» – буржуазную, то Сили Шандор, сохранив принцип деления на «научную – ненаучную», поменял лишь знаки. В диссертации советской историографии достается за «ненаучность» [Отзыв, с. 18].

Итоговый приговор: диссертация не удалась, нуждается в существенной переработке и в данном виде не может быть допущена к защите [Там же, с. 19]. Это, конечно, не вызывает удивления, если учесть, что оппонент видел главное достоинство автора в хорошем владении русским языком и не согласился практически ни с одним из его выводов, утверждений, считая их тенденциозными, несправедливыми, слишком категоричными, упрощающими, безосновательными, иногда примитивными, безмерно политизированными, предубежденными и практически русофобскими, а самого автора – «нигилистом», который, как кажется, главным образом стремится представить русских погромщиками.

В таком же духе высказался и другой кафедральный квазиоппонент, который озвучил свое мнение устно, но никого не удивил, так как уже авансировал свою идейную позицию процитированными выше риторическими вопросами. Зачитав первый абзац диссертации, он сразу перешел к конечным выводам:

Эта диссертация могла быть рассчитана только на наш мазохизм! Нельзя ее принимать, даже больше! Я против любой формы этой диссертации. А сейчас еще хотят отпраздновать открытие Америки! Безобразие! Я не намерен участвовать в этом! [Заметки Ш. Сили, л. 8].

Это был тот самый человек, который еще до предварительной защиты поделился с Р. Г. Скрынниковым своим мнением, что «русскую историю должны писать русские, и зачем в это дело вмешиваются венгры?» [Письмо Р. Скрынникова Д. Сваку от 12 июля 1992 г.].

Нашелся еще и третий «идеологически подкованный» участник дискуссии, которому выпала сомнительная честь поставить точку над i:

Эта диссертация политизированная – зародилась под прессом перестроечной историографии, что не что иное, как историческая вакханалия. Я к этому возрасту пришел к выводу, что история не может быть без политики. *Русская история должна быть национальной, а диссертация скорее есть налет западничества с выпадами против русской идеи.* Просто оскорбительно. *Эту диссертацию по-русски нельзя напечатать. Это противоречит русскому национальному духу.* Даже больше скажу. Нужно принимать меры, чтобы эту работу нельзя было напечатать ни в Венгрии на венгерском, ни на Западе (курсив мой. – Д. С.) [Заметки Шандора Сили, л. 7–8].

Четвертая часть. Calmato

Как видно, после выступления официального оппонента, отзыв которого был задуман как уничижительный, но который, по крайней мере, содержал профессиональную аргументацию, страсти и эмоции выплеснулись наружу. Быть может, имеет смысл остановиться на минутку в нашем повествовании, чтобы посмотреть, где же происходила эта мини-драма и кто играл в ней главные роли?

Исторический факультет Ленинградского, а позже Санкт-Петербургского государственного университета обязан своим существованием партийному постановлению 1934 г., которое проанализировал и Шандор Сили. Как и в других университетах, здесь тоже были восстановлены преподавание истории и его организационные рамки. Конечно, традиции «петербургской школы» коренятся в гораздо более далеком прошлом, в Петербургском университете преподавали многие классики русской и советской исторической науки [Szvák, 2011, р. 303–325; Корзун, Мягков, с. 386–397]. Наиболее знаменитым, знаковым руководителем факультета был В. В. Мавродин [Дворниченко], карьера которого была далеко не прямой, но которому удалось наполнить свою организационную единицу и руководимую им кафедру истории СССР хорошими специалистами, превратив ее в профессиональный коллектив, пользовавшийся признанием в советской системе высшего образования¹⁵. Когда я в 1981 г. начал учебу в аспирантуре, на кафедре, помимо В. В. Мавродина, работали такие авторитетные профессора, как А. Л. Шапиро, Р. Г. Скрынников, И. Я. Фроянов, Ю. Д. Марголис, и в эти годы она пользовалась большим престижем¹⁶. Ко времени предварительной защиты Шандора Сили, то есть примерно по прошествии десятилетия, положение значительно изменилось. Тогда уже деканом и заведующим кафедрой был в течение продолжительного времени И. Я. Фроянов, В. В. Мавродина уже не было в живых, А. Л. Шапиро был тяжело болен, а Р. Г. Скрынников ушел с кафедры, хотя и оставался профессором университета. Наиболее талантливые из учеников И. Я. Фроянова стали сотрудниками

¹⁵ «История кафедры отечественной истории на историческом факультете в 40–70-е годы – целая эпоха. Все это время, пусть с перерывами по не зависящим от него обстоятельствам, кафедрой руководил В. В. Мавродин. Надо сказать, что ему удалось создать (или, если хотите, воссоздать) кафедру после разрухи 40–50-х годов. Ко времени ухода Мавродина с поста заведующего кафедрой (в 1982 г. он передал кафедру своему ученику И. Я. Фроянову) кафедра стала вполне сильным, жизнеспособным научно-педагогическим организмом» [Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, с. 70].

¹⁶ «К 1986 г. профессорско-преподавательский состав факультета насчитывал 63 штатных сотрудника, из которых 21 имел степень доктора исторических наук, а 36 – кандидата наук... Факультет неоднократно был признан лучшим среди гуманитарных факультетов университета и пользовался популярностью среди абитуриентов: так, в отдельные годы конкурс при приеме достигал 15 человек на место» [Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, с. 23]. В 1983 г. я тоже написал о нем ознакомительную статью, в которой назвал его лучшей творческой лабораторией в области истории русского Средневековья. См.: [Szvák, 1983].

факультета, значительно омоловив преподавательский состав кафедры истории СССР. Эти сравнительно недавно защитившие диссертации специалисты, понятным образом, занимались историей Древней Руси, и их исследования тогда еще не распространялись на историю XVI–XVII вв. или на историографию. Они и были оппонентами и задавали тон на обсуждении.

Естественно, ключевой фигурой был декан и заведующий кафедрой И. Я. Фроянов, хотя он и не вмешивался в дискуссию. Настоящая статья посвящена не ему, поэтому здесь я поделюсь только информацией, необходимой для понимания описываемых событий, разбор деятельности И. Я. Фроянова не входит в мою задачу. Кстати сказать, я отношусь к нему с пристрастием как к первому советскому ученому, с которым я лично встретился, и уже ранее я написал его субъективный портрет [Свак, 2014, с. 168–170]¹⁷.

Описанные выше события имеют и такое прочтение, которое объясняет происшедшее конфликтом между Фрояновым и Скрынниковым¹⁸. Сам Р. Г. Скрынников думал иначе. Он видел причину в переломе, который произошел в жизни кафедры и примером которого еще до защиты Сили было обвинение, брошенное вернувшейся из Канады аспирантке Ю. Д. Марголиса о том, что она якобы дудит в одну дудку с украинскими националистами [Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г., с. 2]. И. Я. Фроянов был твердым руководителем, определявшим дух и облик кафедры. Крайне вероятно, что распад СССР и навязанная Западом ведущая к тяжелым кризисам неолиберальная политика, сопровождавшаяся катастрофами, привели к усилению на кафедре воинствующей «великорусской» политики, политики «защиты русских», которая понастоящему «созрела» к концу десятилетия и привела к кризису кафедры и удалению И. Я. Фроянова с поста декана, а потом и заведующего кафедрой. Это время было обременено упразднением и слиянием кафедр, увольнениями, открытыми письмами, доносами, газетными статьями, клеветнической и оправдательной публицистикой, пылками и богатыми на эмоции выступлениями внутри

¹⁷ Между прочим, я всегда был убежденным сторонником и венгерским пропагандистом революционной/еретической концепции истории Киевской Руси, созданной И. Я. Фрояновым, см.: [Szvák, 1978, p. 142–143; Szvák, 1982, p. 1098–1101]. Я уже после подачи моей статьи в редакцию 17 декабря 2020 г. получил горестную весть о кончине И. Я. Фроянова от А. Ю. Дворниченко, на письмо которого ответил так: «Мне дошла уже горестная весть. Искреннее соболезнование дочери, Вам и коллегам! Я очень высоко оценивал и уважал Игоря Яковлевича, в свое время мы были в тесном сотрудничестве. Я всегда считал и считаю до сих пор его великим историком истории Киевской Руси. В пантеоне медиевистов России у него особое место и вечный покой».

¹⁸ «Ни Скрынников, ни Александр Лавров ничего не сказали мне после защиты, потому что я был заинтересованным лицом и иностранцем. Они рассматривали этот случай как местное внутрирусское дело и сообщили лишь то, что речь не идет ни обо мне, ни о диссертации, это просто была возможность ударить по Скрынникову» [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 14 апреля 2020 г.].

и вне университета¹⁹, поэтому здесь я процитирую только официальное мнение, оценку в юбилейном томе, выпущенном к 70-летию факультета, ответственным редактором которого был тогдашний декан и заведующий кафедрой, бывший ученик И. Я. Фроянова:

Во второй половине 90-х годов мы наблюдаем нарастание негативных тенденций в деятельности кафедры. В конце 90-х годов уже истекшего столетия кафедра вместе с факультетом пережила трудные времена. Те изменения, которые пришлось претерпеть кафедре, происходили на фоне конфликтов, сотрясавших весь исторический факультет. <...> Увлечение заведующего кафедрой политикой, разжигание внутри факультета тяжелого конфликта не способствовали развитию кафедры. Пуская пыль в глаза парадными «научными отчетами», заведующий кафедрой не сосредоточивался на совершенствовании научной и педагогической деятельности кафедры. Она оказалась в стороне от инновационных направлений исторической науки, получивших широкое распространение на Западе. Это и понятно – контакты кафедры с миром были сведены к нулю ввиду опасений нападения со стороны «мировой закулисы» [Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, с. 90–91].

Оглядываясь на то время, можно предположить, что концепция опубликованных в конце 90-х гг. XX в. книг И. Я. Фроянова, открыто внушавших читателю политические симпатии и антипатии автора, завернутые в обертку научности [Фроянов, 1997; Фроянов, 1999], деятельность историка в Российской коммунистической партии, затем использование научной деятельности для пропаганды «конспирологических теорий» [Фроянов, 2007]²⁰, а также безмерное антизападничество и противостояние так называемой «мировой закулисе», – все это объясняет происшедшее в 1992 г. Личные, семейные трагедии, по всей вероятности, только усилили боль и отчаяние историка по поводу того, что его страна движется в неверном направлении, даже, быть может, в сторону распада.

Р. Г. Скрынников писал, что И. Я. Фроянов – «хороший режиссер. Он поручил своим молодцам разгромить диссертацию Шандора, что они и сделали» [Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г.]. Таким образом, он не считал, что речь идет о направленной против него мелочной мести, а предполагал наличие более веских,

¹⁹ Все это описано, по признанию самого автора, в защиту И. Я. Фроянова его коллегой по кафедре В. С. Брачевым, который тогда уже специализировался на изучении масонства [Брачев, 2006а]. См. также: [Брачев, 2006б, ч. 4].

²⁰ В этом объемистом произведении И. Я. Фроянов показывает Ивана IV и Сталина прогрессивными деятелями русской истории и в получившейся вместе с двумя предыдущими книгами трилогии рисует образ «дьявольского» Запада, смотрящего на Россию как на потенциальную добычу, прослеживая линию «иноземного заговора», которая, как он считает, тянется от ереси «жидовствующих» к масонам, революционным вождям еврейского происхождения, немецкому и американскому финансовому капиталу и нынешней «мировой закулисе».

принципиальных причин. И если посмотреть на дальнейшую деятельность не только И. Я. Фроянова, но и его коллег, то нужно констатировать, что начальнику вовсе не нужно было принуждать подчиненных. Большинство из них разделяли его «философию истории», некоторые даже в еще более радикальном виде.

Вместе с тем нашлись и специалисты, поддержавшие Шандора Сили, но никто из них не был членом кафедры И. Я. Фроянова. Авторами двух письменных отзывов были бывшие ученики Скрынникова, начинающие ученые, получившие кандидатские степени за работы по русской истории XVII в. Позже, но в том же году, поступили еще четыре положительных отзыва, написанные крупными авторитетами в своей области науки²¹.

Ни один из них не выразил сомнения в том, что диссертация может быть допущена к защите. Все они оценили ее как самостоятельное, оригинальное, концептуально обоснованное, необычайно основательное и опирающееся на широкую информацию исследование, которое не только имеет право на существование, но и внесло новые результаты в историографию вопроса:

Автору пришлось проанализировать огромный материал (в приложенной к диссертации «Библиографии» около четырехсот названий), весьма разнородный, нередко трудный для восприятия даже русскоязычного исследователя диапазон рассматриваемых вопросов потребовал от диссертанта обращения не только к научной литературе, но и к архивным материалам (из архива АН СССР), а временами и к документальным публикациям по истории Сибири. <...> Полагаю, что главная цель работы Ш. Сили достигнута: ему удалось представить на защиту вполне профессионально выполненное оригинальное законченное исследование [Никитин, с. 1]²².

Помимо общих замечаний, авторы положительных отзывов выделяли прежде всего новую хронологию, предложенную диссертантом, реконструкцию развития и последовательной смены концепций присоединения Сибири, удачное изображение деятельности Миллера и заслуг Бахрушина, а также анализ наблюдавшегося уже с XVIII в. сильного государственного вмешательства в область формирования исторической памяти и необычайно информативное изложение этого вмешательства и его институциональных форм в советское время²³.

²¹ Двое из них были тогда ведущими специалистами по истории Сибири, двое – историографами, трое – докторами исторических наук.

²² А. С. Лавров писал: «Работу Ш. Сили отличает хороший литературный язык, свободный от штампов и трафаретов, характерных для историографической литературы. Сильной стороной работы является жесткая логическая структура, позволяющая автору отбросить все лишнее, не превращая свой труд в сборник цитат и библиографических справок. Концепция автора носит при этом вполне самостоятельный характер» [Лавров, с. 5].

²³ «Раскрытие государственнического “служилого”, если можно так сказать, характера отечественной историографии Сибири – несомненная заслуга автора» [Лавров, с. 2].

Эти отзывы отнюдь не были неkritичными. Больше того, Н. И. Никитин, например, писал о диссертанте:

...Им, вероятно, недостаточно учтено то обстоятельство, что наука, какой бы «забюрократизированной» она ни была, имеет свою логику, свои законы развития, которые никто, пока наука остается наукой, не может отменить – ни Политбюро ЦК, ни отдельно взятые «диктаторы»... [Никитин, с. 4].

Надо отметить, что и остальные оппоненты – А. С. Лавров, П. В. Седов [Седов, с. 5], Б. М. Свердлов [Свердлов, с. 2, 6] – подчеркнули чрезмерно упрощенную интерпретацию историографии советского периода²⁴. Критике подверглись также оценка диссертантом русской «культурной миссии» и его настойчивая приверженность термину «завоевание»: «я считаю, что исследования, проведенные русскими исследователями в 1950–80-х гг... опровергли прямолинейные утверждения о завоевании Сибири и теории сибирских областников о вымирании сибирских народов», – написал в своем отзыве В. А. Александров [Александров, с. 3]; на то, что тема «культуртрегерской роли России в Азии» оказалась в диссертации «несколько скомканной», обратил внимание А. С. Лавров [Лавров, с. 3]. Вместе с тем, мнение шести специалистов о диссертации можно было обобщить словами А. Н. Цамутали следующим образом:

Полагаю, что основные ее положения обоснованы, а ряд частных оценок, если и может быть предметом дискуссии, споров, тем не менее, имеет право на существование и дает толчок к дальнейшей плодотворной разработке проблемы [Цамутали, с. 2].

Это, однако, не имело значения. В искусственно накаленной атмосфере предварительной защиты диссертант подвергся публичному бичеванию, а диссертация была, можно сказать, сметена со стола. В свете этого вызвало удивление, что председательствовавший И. Я. Фроянов в конце концов не инициировал решение о недопуске к защите и по крайней мере в принципе оставил открытым вопрос о дальнейшей судьбе диссертации²⁵, хотя на самом деле срок аспирантуры Ш. Сили к тому времени уже истек [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 мая 2020 г.]. Для полноты картины нужно добавить, что наряду с запальчивыми выступлениями на обсуждении прозвуч-

²⁴ А. С. Лавров, например, писал: «Отвергая тем самым понимание истории как “политики, обращенной в прошлое”, автор порой сам склоняется к тому, чтобы видеть в советской историографии отражение идеологических партийных установок. Здесь необходимо умение видеть контекст эпохи, учитывать и изменение со временем самой источниковой базы, на основании которой делались выводы» [Лавров, с. 4].

²⁵ Это, несомненно, отличалось от столь выразительно описанной Ш. Сили практики советских (сталинских) времен, поскольку здесь не ставилась цель лишить диссертанта средств к существованию.

чал и трезвый голос. Профессор Марголис настойчиво попросил официального оппонента сократить количество определений «русофобский» в протоколе обсуждения [Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г., с. 2; Заметки Шандора Сили, л. 9].

Пятая часть. Ordinario

Ознакомившись с диссертацией, отзывами и выступлениями на предварительной защите, Ю. Д. Марголис, я думаю, удачно схватил суть проблемы. На предварительной защите не было профессиональной дискуссии, на самом деле на кону стояла честь русских (включая и советских) историков, и в широком смысле – всей России. По крайней мере, так чувствовали участвовавшие в этом заседании «фрояновцы», то есть кафедральный официоз. Они не приняли во внимание профессиональных достоинств диссертации, а, движимые чувством обиды и затравленности, бросились в любовую атаку, превратив случай Сили в показательный пример для остальных. Предлогом для этого, несомненно, стали некоторые резкие категоричные утверждения диссертанта, которые подверглись критике и со стороны авторов положительных отзывов. И все же ясно, что главной в этой истории была не личность Шандора Сили, не его венгерская национальность и даже не профессор-«европеец» Р. Г. Скрынников. Сейчас уже кажется странным, насколько невнятно (иногда в прямом значении этого слова) высказывали свое мнение выступавшие молодые люди, в целом хорошо подготовленные, хотя и не по теме диссертации. Пафосная обидчивость никогда не благоприятствует профессиональной аргументации. Даже официальный оппонент, черпавший из крайне эклектичных источников (Маркс, Бердяев, Сталин, Ципко) и больше остальных связавший себя соблюдением научных норм, постоянно использовал в качестве козыря одно и то же определение «русофобский»²⁶.

Ш. Сили оказался в плохое время в плохом месте. И не сориентировался, несмотря на предварительные предупреждения [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 14 апреля 2020 г.]. Россия находилась в отчаянном положении, а на петербургском факультете истории сложилось и оказалось в большинстве твердое ядро решительных людей, возглавляемых деканом и не желавших примириться с распадом СССР, с тем, что руководство их собственной страны вместе с Западом втаптыкает в грязь величие и гордость нации. В такой накаленной атмосфере мнение, что отцом русской исторической науки был

²⁶ В этой дискуссии данное определение играло роль «идеологической дубинки», хотя я вовсе не утверждаю, что боязнь русофобских проявлений у русских *ab ovo* не обоснована. Подробнее см.: [Свак, 2009]. Однако несомненно и то, что, опасаясь русофобии, русские иногда склонны компенсировать это «великорусским» негодованием, от которого может вести прямая дорога к ксенофобии и антисемитизму, как это и показывает позднейший жизненный путь некоторых участников предварительной защиты.

немец Миллер, а вся советская историческая наука была служанкой партии, равнялось пощечине. Сили, оказавшийся во власти наивного «неблагоразумного упрямства», не склонен был принять это во внимание, пошел на конфронтацию, хотя и понимал, чем это кончится. Больше того, он по праву чувствовал, что одержал моральную победу и, кроме того, на собственном примере доказал справедливость диагноза, поставленного им в своей диссертации. Собственно говоря, он был прав, ведь исправление нескольких неудачно сформулированных предложений или определений не изменило бы сути дела, состоявшей в том, что, по мнению кафедральных оппонентов, имело место русофобское выступление против русской/советской исторической науки, а на самом деле – против всего народа.

В этой статье моей задачей является не анализ и оценка работы Шандора Сили. Я сделал это осенью 1992 г., когда после безуспешной предварительной защиты в Петербурге мы провели обсуждение диссертации в руководимом мной автономном Институте русистики²⁷. Я разделял мнение Т. Крауса, который в своем оппонентском отзыве писал:

Эта работа создана в неудачный с точки зрения науки период времени. Она – типичный продукт «смены режима» в том смысле, что Шандор Сили на протяжении всего текста «сражается» с противником, который ныне уже является «дохлым львом», который не способен ответить в научно-теоретическом плане [цит. по: Jegyzőkönyv, p. 1].

Несмотря на это, мы признали научное значение работы и единогласно предложили допустить ее к защите [Ibid., p. 10].

Оглядываясь назад по прошествии стольких лет, мы видим, что «дохлый лев» действительно не мог ответить в научно-теоретическом плане, зато вполне сумел дать административный ответ. Диссертант тоже извлек соответствующие выводы, его книга, увидевшая свет в 2005 г., превратилась по сравнению с текстом диссертации в хорошо обоснованную в теоретическом и методологическом плане монографию, в которой была учтена конструктивная критика и которая уже не была пронизана идеалистической романтикой 1992 г., когда автор видел свою главную «боевую» задачу в разоблачении влияния Русского государства на русскую/советскую историческую науку. Ведь, с одной стороны, мы знали об этом влиянии и раньше, а, с другой стороны, к счастью, это было не всегда одинаково верно в разные периоды времени. Оглядываясь ныне на прошлое, надо сказать, что противостоящая всякому насилию, «стоящая на собственных ногах», функционирующая на основе своих внутренних закономерностей историческая наука, «примеры неподатливости» некоторых ее представителей заслуживали большего

²⁷ «В своем отзыве Дюла Свак указал на существенные методологические ошибки и считал возможным допустить кандидатскую диссертацию к защите только после радикальной переработки введения и заключения» [Jegyzőkönyv, p. 4].

внимания. Ведь как проблема чрезмерной власти, так и сопротивление ей остаются актуальными и поныне.

В наши дни получила неожиданную актуальность и другая центральная проблема диссертации – вопрос о «колониальном» статусе Сибири. Как убедительно показал в своей работе Ш. Сили, эта тема на самом деле никогда не покидала поля зрения политиков [Szili, 2016, p. 61–74]²⁸. За последние месяцы в мире развернулось движение за искреннее переосмысление колониального наследия, в ходе которого наблюдались и случаи уничтожения и оскорбления памятников. Это предсказуемо окажет воздействие и на российскую рецепцию. Можно ожидать нового усиления официального нарратива о «мирном заселении» Сибири в противовес кровавой колониальной политике западных держав. Но и его надо анализировать взвешенно, как этого требовали в свое время от Сили. Даже с учетом политического вмешательства раскрытие различий между западной и русской колонизацией является вполне разумной задачей исторической науки. Таким образом, историки, которые в будущем станут писать об относительно мирном присоединении сибирских народов, не обязательно будут делать это по приказу. Всякая национальная, а особенно имперская историческая наука по убеждению более снисходительна к собственному историческому прошлому, даже если и не признается себе в этом.

Ш. Сили с глубокой симпатией цитировал кредо Г. Миллера, согласно которому историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя». Намерение использовать этот девиз в качестве путеводной нити представляется иллюзией, поскольку историк приходит в свою профессию не младенцем и находит в ней не чистый лист. Историческая наука объединяет специалистов различной веры и национальности, различных партийных пристрастий, придерживающихся собственных традиций, норм и правил. Настоящая историографическая задача состоит как раз в том, чтобы разобраться в этом сплетении индивидуальных плюсов и минусов.

В конечном итоге работе Сили пошло на пользу то, что он удалил из нее ведущий мотив отвергнутой диссертации²⁹ и, опираясь на теорию смены научных парадигм Томаса Куна, в своей монографии нашел для своего исследования более дифференцированные и структурированные методологические рамки: «Приведенный выше “сибирский пример” создания исторических концепций свидетельствует о том, что решающую роль в этом процессе играют три фактора: смена методологических воззрений, изменение социокуль-

²⁸ См., например, анализ наиболее дискуссионных проблем истории Сибири в статье [Никитин, Петров] в журнале «Вестник российской нации». В этом репрезентативном издании первую статью написал В. В. Путин.

²⁹ «Основная мысль моей диссертации – это категорическое отрицание любого вмешательства в науку извне, особенно со стороны политических и административных структур» [Сили, с. 13].

турной среды, а также – в случае отсутствия или слабости автономных научных учреждений – влияние политики» [Szili, 2005, p. 231]. И в России 1992 г. еще не пришло время для смены парадигмы в области исторического подхода. Больше того, если сравнить обстоятельства защиты в 1984 и в 1992 гг., то в тот конкретный исторический момент на историческом факультете Санкт-Петербургского университета дела диссертанта обстояли даже хуже, чем в 1984 г., в советское время. Вопреки тому, что в 1992 г. мы уже прошли через «гласность», в описанном случае свобода слова и научного исследования принесла с собой в качестве нового явления лишь ксенофобию. Правда, это тоже относилось не ко всем – прозвучало и мнение, что, несмотря на жесткую критику, диссертация может быть опубликована [Свердлов, с. 7]. В 1992 г. степень национализма русской исторической науки была не выше, чем во многих других странах. Конечно, с тех пор утекло много воды в Неве и в Дунае. И было бы крайне интересно знать, как обошлись бы с русским диссертантом, который, скажем, пожелал бы защитить в венгерском казенном институте «Veritas» диссертацию под названием «Венгерские оккупационные войска на территории СССР»?

Финал

Спустя 28 лет после предварительной защиты диссертации Ш. Сили, быть может, небезынтересно посмотреть, что произошло с тех пор с героями нашей истории.

«Молодцы» И. Я. Фроянова (пятеро из участников обсуждения) стали профессорами факультета (который с тех пор получил название института), единственным, кто не добрался до звания профессора, был самый пламенный оратор на защите диссертации Сили (назовем его ХУ). Ему пришлось покинуть сначала свой пост, а потом и институт вскоре после его начальника. Он – уникальная личность, в свое время пресса и студенты рассказывали о нем массу «интересных» историй³⁰. Поскольку мы не можем проверить истинность этой информации, удовлетворимся вступившим в законную силу решением Смольненского районного суда по поданному ХУ иску о защите чести и достоинства. В нем говорится:

³⁰ Вот лишь одна из них из передачи «Петербургский университет в борьбе за историю»: «ХУ – это такой чистый пример “антисемитизма в квадрате”. Однажды я был свидетелем случая потрясающего, когда ХУ, ведя лекцию студентам и рассказывая о событиях Смутного времени, очень подробно остановился на этническом происхождении Лжедмитрия Второго. Сказал, что Лжедмитрий был жидом, и потом в течение тридцати минут описывал, как в то время на Руси относились к жидом и какую разрушительную роль жида сыграли в истории русского государства» [Петербургский университет в борьбе за историю]. Замечу, что его научный руководитель и ментор А. И. Шапиро, согласно его военной служебной характеристике, был евреем [Алексеев, Воробьев и др., с. 3].

Суд пришел к выводу, что ответчиками представлено достаточно доказательств соответствия действительности сведений, сообщенных в статье «Призрак коммунизма прописан на Менделеевской?..» И, руководствуясь статьей 191-197 ГПК РСФСР, решил в удовлетворении иска ХУ... о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда отказать [цит. по: Токарева].

Между прочим, докторами наук стали и два поддерживавших Сили молодых человека. Один из них с тех пор занял должность профессора в Сорбонне, а другой работает одним из руководителей Санкт-Петербургского института истории РАН.

Ну а что же произошло с Шандором Сили? Он не стал профессором. Ни в Венгрии, ни где-то еще. Сам он пишет об этом периоде своей жизни следующее:

Продолжению работы над диссертацией помешали материальные проблемы... Так продолжалось до 1996 г., когда я пришел на работу в Министерство иностранных дел, а оттуда был послан в Москву. Годы дипломатической работы в Москве я использовал для перевода книг Скрынникова и сбора материалов для углубления некоторых подтем своей диссертации. <...> В 2000 г. я вернулся из дипломатической командировки... и окончил докторантуру PhD Будапештского университета, чтобы наконец защитить диссертацию. После этого я стал ассистентом научно-исследовательской группы... И все же... это был самый счастливый период в моей жизни [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 4 мая 2020 г.].

Тогда Шандору Сили уже исполнилось 40 лет, и он снова стал начинающим ученым, но вместе с тем успешно защитил диссертацию на степень PhD, на основе которой была (с основательностью его «наставника» Г. Миллера) подготовлена превосходная книга, и обогатил преподавание русистики в Венгрии, в котором и сам принимал участие³¹, важными пособиями [A középkori orosz történelem forrásai; A normann kérdés az orosz történelemben]. Однако на 500 евро в месяц невозможно создать и содержать семью. В результате ему опять пришлось оставить свою профессию.

Думается, что скорее профессия оставила его.

³¹ Один из студентов дал ему следующую характеристику: «За угрюмой внешностью скрывается гений, хороший лектор с более чем огромными знаниями, читающий очень занимательные лекции. Фантастически хорош и в методологическом плане, не навязывает конечных истин, а всегда интересуется чужими мнениями, идеями, на которые реагирует по существу; на всех семинарах шла настоящая совместная работа. Я страшно любил его занятия. Он всегда готов помочь! К его занятиям нужно много читать и размышлять, но ведь это и есть дело гуманитария» [Tanár adatlap].

* * *

В истории советской исторической науки Шандор Сили изучал много неудавшихся судебных историков. Были и такие, кому пришлось еще хуже – их казнили. Некоторые были вынуждены эмигрировать. Кто-то очутился в лагерях, кого-то позже реабилитировали, и они продолжали работать, но всегда не там и не так, где и как работали до этого.

Другая эпоха – другая развязка. Однако в конце этих историй никогда не испытываешь катарсиса.

Список литературы

Александров В. А. Отзыв на диссертацию Ш. Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [М.], 1992. 3 с. // Личный архив Ш. Сили.

Алексеев В. В. Уральская школа историков // Региональные школы русской историографии / под ред. Д. Свака. Budapest : Russica Pannonicana, 2007. С. 12–20.

Алексеев Ю. Г., Воробьев В. М. и др. Памяти Александра Львовича Шапиро // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2005. Вып. 4. С. 3–17.

Брачев В. С. Масоны у власти. М. : Алгоритм : ЭКСМО, 2006а. 640 с.

Брачев В. С. Травля русских историков. М. : Алгоритм, 2006б. 320 с.

Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин : Страницы жизни и творчества. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2001. 192 с.

Ельцинщина / ред. Д. Свак. Будапешт : Венгер. ин-т русистики, 1993. 103 с.

Заметки Шандора Сили : рукопись. 1992. 11 с. // Личный архив Ш. Сили.

Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО-XX, 1996. 463 с.

Исторический факультет Санкт-Петербургского университета (1934–2004) : очерк истории / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 390 с.

Корзун В. П., Мяжков Г. П. Научные школы в российской исторической науке : (Опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк : К юбилею Л. П. Репиной / отв. ред. О. В. Воробьева. М. : Аквилон, 2017. С. 364–409.

Лавров А. С. Рецензия на рукопись кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [СПб.], 1992. 5 с. // Личный архив Ш. Сили.

Логунов А. П. Кризис исторической науки, или Наука в условиях общественного кризиса: историография второй половины 80-х – начала 90-х гг. // Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева ; науч. ред. А. П. Логунов. М. : Изд-во РГГУ, 1996. С. 447–487.

Невежин В. А., Пруцкова О. А. Издание исторической литературы: кризис или стабилизация? // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО-XX, 1996. С. 22–36.

Никитин Н. И. Отзыв на рукопись кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» (Санкт-Петербург, 1992) : рукопись. [М.], 1992. 11 с. // Личный архив Ш. Сили.

Никитин Н., Петров Ю. Русская колонизация Сибири и Америки: дискуссионные проблемы // Вестн. Рос. нации. 2012. № 4–5. С. 35–49.

Отзыв на кандидатскую диссертацию Сили Шандора «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [СПб.], 1992. 19 с. // Личный архив Ш. Сили.

Петербургский университет в борьбе за историю : ведущий Иван Толстой. 01.01.2000 // Радио «Свобода» : [сайт]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24200527.html> (дата обращения: 26.06.2020).

Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г. 3 с. // Личный архив Д. Свака.

Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 14 апреля 2020 г. // Личный архив Д. Свака.

Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 апреля 2020 г. // Личный архив Д. Свака.

Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 4 мая 2020 г. // Личный архив Д. Свака.

Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 мая 2020 г. // Личный архив Д. Свака.

Россия в 1992 году. Мы выжили как могли // Кликабол : [сайт]. URL: <https://klikabol.com/2017/09/rossiya-v-1992-godu-my-vyzhivali-kak-mogli.html> (дата обращения: 30.04.2020).

Россия в 1992–1999 гг.: внутренняя политика // Онлайн-школа Фоксфорд : [сайт]. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/rossiya-v-1992-1999-gg-vnutrennyaya-politika> (дата обращения: 02.05.2020).

Свак Д. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV) : дис. ... канд. ист. наук. Л. : [Б. и.], 1984. 195 с.

Свак Д. Президент Борис – царь Борис // Конец Ельцинщины / ред. Т. Краус. Будапешт : Венгер. ин-т русистики, 1999. С. 7–11.

Свак Д. К вопросу о генезисе русофобии // Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе. Budapest : Russica Pannonicana, 2009. С. 21–29.

Свак Д. Историк и казак // На службе у Клио и у власть предержащих : (Этюды по руссиеведению). Budapest : Russica Pannonicana, 2014. С. 168–170.

Свердлов М. Б. Отзыв о кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [СПб.], 1992. 7 с. // Личный архив Ш. Сили.

Седов П. В. Отзыв на кандидатскую диссертацию Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [СПб.], 1992. 6 с. // Личный архив Ш. Сили.

Токарева М. Иск отклонен, история продолжается. Петербургский истфак нуждается в радикальном обновлении // Русская народная линия : [интернет-портал]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/06/25/isk_otklonen_istoriya_prodolzhaetsya (дата обращения: 26.06.2020).

Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 159 с.

Фроянов И. Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 800 с.

Фроянов И. Я. Драма русской истории : На путях к Опричнине. М. : Парад, 2007. 952 с.

Цамутали А. Н. Отзыв о кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [СПб.], 1992. 3 с. // Личный архив Ш. Сили.

A középkori orosz történelem forrásai / ed. by G. Szvák, S. Szili. Budapest : Pannonica Kiadó, 2005. 318 p.

A normann kérdés az orosz történelemben. I. Források / ed. by G. Szvák, S. Szili. Budapest : Russica Pannonicana, 2009. 327 p.

Békes P. Hazafelé, félúton // Filmvilág. 1992. Iss. 4. P. 19–20.

Havas F., Krausz T. Dokumentumok történeti ruszisztikánk tárgyköréből. Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 2000. 199 p.

Jegyzőkönyv Szili Sándor “Szibéria meghódításának koncepciói az orosz és szovjet historiográfiában” című kandidátusi értekezésének műhelyvitájáról : Record of the Workshop Discussion of Sándor Szili’s Candidate’s Dissertation Entitled “Concepts of the Conquest of Siberia in Russian and Soviet Historiography” : manuscript. Budapest, Nov. 5. 10 p. // Архив Венгерского ин-та русистики.

Kecskeméthy G. Tovarisi könyec // Beszélő : [website]. URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/tovarisi-konyec> (accessed: 23.06.2020).

- Kéri L. Húszéves a rendszer. 1992 a reménytelen diskurzusok éve // Népszabadság. 2009. Március 9.
- Keskeny E. A magyar-orosz kapcsolatok. 1989–2002. Budapest : Századvég Kiadó, 2012. 282 p.
- Könczöl C. A BBC a magyarországi ruszsofóbiáról // Népszabadság. 1992. Június 5.
- Krausz T. A peresztrojka vége? : Kerekasztal-beszélgetés. Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991a. 62 p.
- Krausz T. Van-e alternatívája az orosz konzervativizmusnak? // A Szovjetunió vége? (Szakértői gyorsjelentés) / ed. by T. Krausz. Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991b. P. 7–25.
- Krausz T. Előszó // A jelcini gazdaságpolitika alternatívái (Szakértői jelentés) / ed. by T. Krausz. Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 1992a. P. 3–5.
- Krausz T. Előszó // Jelcin és a jelcinizmus (Szakértői jelentés) / ed. by T. Krausz. Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 1992b. P. 3–5.
- Krausz T. Szovjet Thermidor. A sztálini fordulat szellemi előzményei, 1917–1928. Budapest : Napvilág Kiadó, 1996. 255 p.
- Krausz T., Máté I. A rendszerváltás a tények tükrében (1989–1991). Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 1993. 107 p.
- Népszabadság. 1992. Nov. 11.
- Nikitin, N., Petrov, Yu. (2012). Russkaya kolonizatsiya Sibiri i Ameriki: diskussionnye problemy [Russian Colonization of Siberia and America: Controversial Issues]. In *Vestnik Rossijskoi natsii*. No. 4–5, pp. 35–49.
- Petrov A. Privatizálás a Szovjetunióban. Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991. 73 p.
- Sáringer J. Az orosz elnök látogatása – Antall József és Borisz Jelcin – Moszkva bocsánatkérése 1956-ért és a “nullszaldós” megoldás // Magyar Hírlap : [website]. URL: http://www.magyarhirlap.hu/tudomany/Az_orosz_elnok_latogatasa (accessed: 04.05.2020).
- Skrynnikov R. G. Reign of Terror: Ivan IV. Leiden ; Boston : Brill, 2016. 630 p.
- Szili S. Szibéria birtokbavételének koncepciói az orosz és a szovjet történetírásban. Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 2005. 235 p.
- Szili S. A szibériai frontier a 17. században // Az orosz birodalom születései, szerk. Budapest : Gondolat Kiadó, 2016. P. 61–74.
- Szvák G. I. Ja. Frojanov: Kijevszkaja Rusz. Ocserki szocialno-polityiceszkoi isztorii Leningrád, 1980 // Századok. 1982. Iss. 5. P. 1098–1101.
- Szvák G. A leningrádi történetműhely // Egyetemi Lapok: Eötvös Loránd Tudományegyetem lapja. 1983. Iss. 4. P. 2–5.
- Szvák G. The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century // The Oxford History of Historical Writing : 5 Vols. / ed. by S. Macintyre, J. Maigushca, A. Pók. Oxford : Oxford Univ. Press, 2011. Vol. 4. 1800–1945. P. 303–325.
- Szvák G. „Nem lelkendezhetek főállásban”. Beszélgetések Oroszországról. Budapest : Gondolat Kiadó, 2018. 220 p.
- Tanár adatlap // Mark My Professor : [website]. URL: <http://www.markmyprofessor.com/tanar/adatlap/8709.html> (accessed: 28.06.2020).
- Vida L. Ordas indulatok leselkednek. Birodalmi reformok // Magyar Nemzet. 1992. Január 2; november 11.

References

- Aleksandrov, V. A. (1992). Otzyv na dissertatsiyu Sh. Sili “Klyuchevye voprosy prisodineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitiye kontseptsii vkhozhdeniya Zaural’ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the PhD Thesis of S. Szili *Key Issues of Russia’s Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals’ Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [Moscow]. 3 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.
- Alekseev, V. V. Ural’skaya shkola istorikov [The Ural School of Historians]. In Szvák, G. (Ed.). *Regional’nye shkoly russkoi istoriografii*. Budapest, Russica Pannonicana, pp. 12–20.
- Alekseev, Yu. G., Vorob’ev, V. M. et al. (2005). Pamyati Aleksandra L’vovicha Shapiro [In Memory of Alexander Lvovich Shapiro]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*. Iss. 4, pp. 3–17.

- Békés, P. (1992). Hazafelé, félúton. In *Filmvilág*. Iss. 4, pp. 19–20.
- Bordyugov, G. A. (Ed.). (1996). *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let* [Historical Research in Russia. Trends in Recent Years]. Moscow, AIRO-XX. 463 p.
- Brachev, V. S. (2006a). *Masonry u vlasti* [Masons in Power]. Moscow, Algoritm, EKSMO. 640 p.
- Brachev, V. S. (2006b). *Travlya russkikh istorikov* [The Persecution of Russian Historians]. Moscow, Algoritm. 320 p.
- Dvornichenko, A. Yu. (2001). *Vladimir Vasil'evich Mavrodin. Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Vladimir Vasilievich Mavrodin. Pages from His Life and Works]. St Petersburg, Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 192 p.
- Dvornichenko, A. Yu. (Ed.). (2004). *Istoricheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta (1934–2004). Ocherk istorii* [Faculty of History, St Petersburg University (1934–2004). An Essay on History]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 390 p.
- Froyanov, I. Ya. (1997). *Oktyabr' semnadtsatogo (glyadya iz nastoyashchego)* [October 17th (Looking from the Present)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 159 p.
- Froyanov, I. Ya. (1999). *Pogruzhenie v bezdnu (Rossiya na iskhode XX veka)* [Diving into the Abyss (Russia in the Late 20th Century)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 800 p.
- Froyanov, I. Ya. (2007). *Drama russkoi istorii. Na putyakh k Oprichnine* [The Drama of Russian History. On the Way to the Oprichnina]. Moscow, Parad. 952 p.
- Havas, F., Krausz, T. (2000). *Dokumentumok történeti ruszisztikánk tárgyköréből*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet. 199 p.
- Jegyzőkönyv Szili Sándor “Szibéria meghódításának koncepciói az orosz és szovjet historiográfiában” című kandidátusi értekezésének műhelyvitájáról : Record of the Workshop Discussion of Sándor Szili's Candidate's Dissertation Entitled “Concepts of the Conquest of Siberia in Russian and Soviet Historiography” : manuscript. Budapest, Nov. 5. 10 p. In *Arkiv Vengerskogo instituta rusistiki*.
- Kecskeméthy, G. (N. d.). *Tovarisí konyec*. In *Beszélő* [website]. URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/tovarisí-konyec> (accessed: 23.06.2020).
- Kéri, L. (2009). Húszéves a rendszer. 1992 a reménytelen diskurzusok éve. In *Népszabadság*. Március 9.
- Keskeny, E. (2012). *A magyar-orosz kapcsolatok. 1989–2002*. Budapest, Századvég Kiadó. 282 p.
- Könczöl, C. (1992). A BBC a magyarországi russzofóbiáról. In *Népszabadság*. Június 5.
- Korzun, V. P., Myagkov, G. P. (2017). Nauchnye shkoly v rossijskoi istoricheskoj nauke. (Opyt istoriograficheskogo osmysleniya poslednikh desyatiletii [Academic Schools in Russian Historical Studies (An Attempt at an Historiographical Understanding of Recent Decades)]. In Vorob'eva, O. V. (Ed.). *Professiya – istorik. K yubileyu L. P. Repinoi*. Moscow, Akvilon, pp. 364–409.
- Krausz, T. (1991a). *A peresztrojka vége? : Kerekasztal-beszélgetés*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet. 62 p.
- Krausz, T. (1991b). Van-e alternatívája az orosz konzervativizmusnak? In Krausz, T. (Ed.). *A Szovjetunió vége? (Szakértői gyorsjelentés)*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, pp. 7–25.
- Krausz, T. (1992a). Előszó. In Krausz, T. (Ed.). *A jecini gazdaságpolitika alternatívái (Szakértői jelentés)*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, pp. 3–5.
- Krausz, T. (1992b). Előszó. In Krausz, T. (Ed.). *Jecin és a jecinizmus (Szakértői jelentés)*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, pp. 3–5.
- Krausz, T. (1996). *Szovjet Thermidor. A sztálini fordulat szellemi előzményei, 1917–1928*. Budapest, Napvilág Kiadó. 255 p.
- Krausz, T., Máté, I. (1993). *A rendszerváltás a tények tükrében (1989–1991)*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet. 107 p.
- Lavrov, A. S. (1992). Retenziya na rukopis' kandidatskoi dissertatsii Shandora Sili “Klyucheve voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitie kontseptsii vkhozhdeniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the Manuscript of Sándor Szili's PhD Thesis *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [St Petersburg]. 5 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Logunov, A. P. (1996). Krizis istoricheskoi nauki, ili Nauka v usloviyakh obshchestvenno-gozudarstvennoy krizisa: istoriografiya vtoroi poloviny 80-kh – nachala 90-kh gg. [The Crisis of Historical Studies, or Scholarship in the Conditions of Social Crisis: Historiography in the Second Half of the 80s – Early 90s]. In Afanas'ev, Yu. N., Logunov, A. P. (Eds.). *Sovetskaya istoriografiya*. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, pp. 447–487.

Népszabadság. (1992). Nov. 11.

Nevezhin, V. A., Prutskova, O. A. (1996). Izdanie istoricheskoi literatury: krizis ili stabilizatsiya? [The Publication of Historical Literature: Crisis or Stabilisation?]. In Bordyugov, G. A. (Ed.). *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let*. Moscow, AIRO-XX, pp. 22–36.

Nikitin, N. I. (1992). Otzyv na rukopis' kandidatskoi dissertatsii Shandora Sili “Klyuchevye voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitie kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” (Sankt-Peterburg, 1992) [Review of the Manuscript of Sándor Szili's PhD Thesis *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)* (St Petersburg, 1992)]. Manuscript. [Moscow]. 11 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Otzyv na kandidatskuyu dissertatsiyu Sili Shandora “Klyuchevye voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitie kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of Sándor Szili's PhD Thesis *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [St Petersburg]. 19 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Peterburgskii universitet v bor'be za istoriyu. Vedushchii Ivan Tolstoi [Petersburg University in the Struggle for History. Hosted by Ivan Tolstoy]. (2000). In *Radio “Svoboda”* [website]. January 1. URL: <https://www.svoboda.org/a/24200527.html> (accessed: 26.06.2020).

Petrov, A. (1991). *Privatizálás a Szovjetunióban*. Budapest, Magyar Ruzsisztikai Intézet. 73 p.

Pis'mo R. G. Skrynnikova Dyule Svaku ot 12 iyulya 1992 g. [R. G. Skrynnikov's Letter to Gyula Szvák, 12 July 1992]. (1992). 3 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Pis'mo Shandora Sili Dyule Svaku ot 14 aprelya 2020 g. [Sándor Szili's Letter to Gyula Szvák, April 14, 2020]. (2020). In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Pis'mo Shandora Sili Dyule Svaku ot 21 aprelya 2020 g. [Sándor Szili's Letter to Gyula Szvák, April 21, 2020]. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Pis'mo Shandora Sili Dyule Svaku ot 4 maya 2020 g. [Sándor Szili's Letter to Gyula Szvák, May 4, 2020]. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Pis'mo Shandora Sili Dyule Svaku ot 21 maya 2020 g. [Sándor Szili's Letter to Gyula Szvák, May 21, 2020]. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Rossiya v 1992 godu. My vyzhivali kak mogli [Russia in 1992. We Survived as Best We Could]. (N. d.). In *Klikabol* [website]. URL: <https://klikabol.com/2017/09/rossiya-v-1992-godu-my-vyzhivali-kak-mogli.html> (accessed: 30.04.2020).

Rossiya v 1992–1999 gg.: vnutrennyaya politika [Russia in 1992–1999: Internal Policy]. (N. d.). In *Online-shkola Foksford* [website]. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/rossiya-v-1992-1999-gg-vnutrennyaya-politika> (accessed: 02.05.2020).

Sáringér, J. (N. d.). Az orosz elnök látogatása – Antall József és Borisz Jelcin – Moszkva bocsánatkérése 1956-ért és a “nullszaldós” megoldás. In *Magyar Hírlap* [website]. URL: http://http://www.magyarhirnap.hu/tudomany/Az_orosz_elnok_latogatasa (accessed: 04.05.2020).

Sedov, P. V. (1992). Otzyv na kandidatskuyu dissertatsiyu Shandora Sili “Klyuchevye voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitie kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the PhD Thesis by Sándor Szili *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [St Petersburg]. 6 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Skrynnikov, R. G. (2016). *Reign of Terror: Ivan IV*. Leiden, Boston, Brill. 630 p.

Sverdlov, M. B. (1992). Otzyv o kandidatskoi dissertatsii Shandora Sili “Klyuchevye voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitie kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the PhD Thesis by Sándor Szili *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in*

the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)]. Manuscript. [St Petersburg]. 7 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Szili, S. (2005). *Szibéria birtokbavételének koncepciói az orosz és a szovjet történetírásban*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet. 235 p.

Szili, S. (2016). A szibériai frontier a 17. században. In *Az orosz birodalom születései, szerk.* Budapest, Gondolat Kiadó, pp. 61–74.

Szvák, G. (1982). I. Ja. Frojanov: Kijevszkaja Rusz. Ocserki szocialno-polityiceszkoi isztorii Leningrád, 1980. In *Századok*. Iss. 5, pp. 1098–1101.

Szvák, G. (1983). A leningrádi történész-műhely. In *Egyetemi Lapok: Eötvös Loránd Tudományegyetem lapja*. Iss. 4, pp. 2–5.

Szvák, G. (1984). *Klyuchevye problemy sotsial'no-politicheskoi istorii Rossii vtoroi poloviny XVI veka v russkoi i sovetskoi istoriografii (reformy i oprichnina Ivana IV)* [Key Problems of the Socio-Political History of Russia in the Second Half of the 16th Century in Russian and Soviet Historiography (The Reforms and Oprichnina of Ivan IV)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, S. n. 195 p.

Szvák, G. (Ed.). (1993). *El'tsinshchina* [Yeltsinism]. Budapest, Vengerkii institut rusisztiki. 103 p.

Szvák, G. (1999). Prezident Boris – tsar' Boris [President Boris – Tsar Boris]. In Krausz, T. (Ed.). *Konets El'tsinshchiny*. Budapest, Vengerkii institut rusisztiki, pp. 7–11.

Szvák, G. (2009). K voprosu o genezise rusofobii [On the Genesis of Russophobia]. In *Gosudarstvo i natsiya v Rossii i Tsentral'no-Vostochnoi Evrope*. Budapest, Russica Pannonicana, pp. 21–29.

Szvák, G. (2011). The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century. In Macintyre, S., Maigushca, J., Pók, A. (Eds.). *The Oxford History of Historical Writing. 5 Vols.* Oxford, Oxford Univ. Press. Vol. 4. 1800–1945, pp. 303–325.

Szvák, G. (2014). Istorik i kazak [Historian and Cossack]. In *Na sluzhbe u Klio i u vlast' prederzhashchikh. (Etyudy po rossievedeniyu)*. Budapest, Russica Pannonicana, pp. 168–170.

Szvák, G. (2018). „Nem lelkendezhetek főállásban”. *Beszélgetések Oroszországról*. Budapest, Gondolat Kiadó. 220 p.

Szvák, G., Szili S. (Eds.). (2005). *A középkori orosz történelem forrásai*. Budapest, Pannonica Kiadó. 318 p.

Szvák, G., Szili S. (Eds.). (2009). *A normann kérdés az orosz történelemben. I. Források*. Budapest, Russica Pannonicana. 327 p.

Tanár adatlap. (N. d.). In *Mark My Professor* [website]. URL: <http://www.markmyprofessor.com/tanar/adatlap/8709.html> (accessed: 28.06.2020).

Tokareva, M. (N. d.). Isk otklonen, istoriya prodolzhaetsya. Peterburgskii istfak nu-zhdaetsya v radikal'nom obnovenii [The Claim Was Rejected, the Story Continues. St Petersburg History Department Needs a Radical Renovation]. In *Russkaya narodnaya liniya* [internet-portal]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/06/25/isk_otklonen_istoriya_prodolzhaetsya (accessed: 26.06.2020).

Tsamutali, A. N. (1992). Otzyv o kandidatskoi dissertatsii Shandora Sili “Klyuchevye voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitie kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the PhD Thesis by Sándor Szili *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [St Petersburg]. 3 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Vida, L. (1992). Ordas indulatok leselkednek. Birodalmi reformok. In *Magyar Nemzet*. Január 2; november 11.

Zametki Shandora Sili [Notes by Sandor Szili]. (1992). Manuscript. 11 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

The article was submitted on 10.12.2020